

УДК 81'42:81'367.7

А.Н. Черняков, Т.В. Цвигун

«СНАРУЖИ ВСЕХ ИЗМЕРЕНИЙ»: ИМПЕРСОНАЛЬНАЯ ТОПИКА ЕГОРА ЛЕТОВА

Статья посвящена исследованию мотивного комплекса имперсональности в поэтике Егора Летова, рассмотренного в единстве устойчивых образных рядов и типовых стратегий поэтического языка. Существование в мире, по Летоу, представляет собой движущуюся границу, в постоянном утверждении-преодолении которой концептуализируется бытие лирического Я; этот экзистенциальный конфликт, чьим присутствием отмечены стихи и песни разных периодов творчества Егора Летова, рассматривается как одна из важнейших констант его персональной поэтической онтологии.

The article explores the motive complex of impersonality in Yegor Letov's poetics as a unity of stable figurative series and typical strategies of poetic language. Confirmation-overcoming of the borders of I is an existential conflict, which is one of the most important constants of Yegor Letov's personal poetic ontology.

Ключевые слова: Егор Летоу, поэтика имперсональности, поэтическая топика, рок-поэзия

Keywords: Yegor Letov, poetics of impersonality, poetical topics, rock poetry

Одной из констант поэтического мира Егора Летова, ведущего представителя отечественного музыкально-поэтического андеграунда 1980–1990-х годов, является внутренняя амбивалентность, бинарность, охватывающая систему поэтических средств и смыслов на всех уровнях – от построения художественного образа до стратегий поэтического языка. К числу регулярных проявлений такой амбивалентности можно отнести особую позицию поэтического Я: с одной стороны, стихи и песни Летова характеризует сильная эгоцентрическая доминанта, через которую лирический субъект утверждает свое бытие в мире, о-сваивает мир, пропуская его через себя, идентифицируя Я с признаками и объектами мира, фиксируя тотальную альтернативность собственной позиции (эстетической, мировоззренческой, политической и др.), с другой – Я у Летова часто стремится к самоотрицанию, нивелированию, стиранию из мира, демонстративно утрачивает свои дистинктивные признаки и свою сущность: телесную, ментальную, иногда речевую. Обоснованию этого тезиса были посвящены наши статьи, в которых амбивалентность поэтического Я Летова была рассмотрена через некоторые устойчивые особенности летовского синтаксиса (см. [5; 6]). Цель настоящей статьи – sub specie стратегий поэтического языка представить топический арсенал имперсональности в поэтике Егора Летова.

В качестве характерного примера тематизации иллюзорности Я может быть рассмотрен текст «Я иллюзорен» (1986):

Внутри твоей реальности гуляют сквозняки
Внутри твоей тревоги притаился партизан
Внутри твоей стерильности воняет колбасой
Я простудился, умер, превратился в пластилин
я иллюзорен со всех сторон

Среди твоей нормальности живет такой, как я
Среди твоё спокойствия летает экстремист
Среди твоей гармонии играют на гармонии
Я простудился, умер, мне спокойно и смешно
я иллюзорен со всех сторон

Вокруг твоих восторгов маршируют сапоги
Среди твоей свободы убивают и кричат
Внутри сего строения ведется наблюдение
А я ушел сдавать мочу — я просто иллюзорен —
я иллюзорен со всех сторон [3, с. 185].

Одна из основополагающих леговских оппозиций «я — ты/вы» реализуется здесь как оппозиция ирреального и реального. Мир «ты» — это мир «реальности/ нормальности», его атрибутами становится все то, что конструирует персональное в его взаимодействии с социальным: человеческие чувства («тревога», «спокойствие», «восторги», «свобода», каламбурно обыгранная «гармония»), внутренняя амбивалентность человеческой природы («Внутри твоей тревоги притаился партизан», «Среди твоё спокойствия летает экстремист»), насилие как социальный регулятор («Вокруг твоих восторгов маршируют сапоги / Среди твоей свободы убивают и кричат»). Мир «я», напротив, максимально редуцирован, он представлен знаками физического угасания/смерти («Я простудился, умер») либо сниженных действий, демонстративно а-социальных и а-эстетичных («ушел сдавать мочу»). Асимметрично и текстовое «бытие» этих местоимений и стоящих за ними семантических ролей: позиция, связанная с «ты», занимает три (в первой и второй строфе) или два (в третьей строфе) стиха, позиция «я» — завершающий стих каждой строфы и рефрен (припев); при этом немаловажным оказывается то, что позиция «ты» фиксируется в тексте притяжательным местоимением «твой», что смещает смысловые акценты с непосредственно адресата поэтического высказывания на атрибутивное наполнение связанного с «ты» мира «реальности/нормальности», в то время как «я» фиксирует себя личным местоимением, тем самым подчеркивая собственную — пусть иллюзорную — самоидентификацию. Фактически оппозиция «я — ты» в данном тексте трансформируется в окказиональную оппозицию «я — твое», относительно которой внутренняя амбивалентность текста получает еще одно измерение: «я», иллюзорное «со всех сторон», тем не

менее существует как текстовая данность, тогда как «ты», вытесненное из текста «твоим», обретает сущность лишь как набор атрибутов («реальность», «тревога», «стерильность», «нормальность», «спокойствие», «гармония» и т.д.), но — как таковое не существует. Декларативная «иллюзорность» «я», таким образом, концептуализируется не столько как отсутствие, сколько как принципиальная противопоставленность признакам и свойствам объективно-социального мира.

Вынесенная в рефрен фраза «я иллюзорен со всех сторон» получает дополнительную семантическую нагрузку, если обратить внимание на локализованность этих двух миров. Мир «ты» конструируется в первой строфе с позиций взгляда извне вовнутрь («Внутри...»), во второй — помещением точки зрения внутрь описываемого мира («Среди...»), наконец — в последней строфе — стереоскопически: «вокруг твоих восторгов», «среди твоей свободы», «внутри сего строе-ния». В то же время Я, декларирующее свою иллюзорность, принципиально не позволяет зафиксировать в пространстве точку зрения (авто)наблюдателя: Я иллюзорно «со всех сторон», а следовательно, пространственные координаты обыденного мира также оказываются к нему неприменимы — в той же мере, как избыточны для него мерки «реальности/нормальности».

Первая ступень обретения иллюзорности концептуализируется Летовым как превращение в *пластилин* («Я простудился, умер, превратился в пластилин» (I) → «Я простудился, умер, мне спокойно и смешно» (II)), и этот образ отнюдь не случаен. Вообще, пластилин можно назвать одной из наиболее узнаваемых летовских метафор «бытия-в-мире», не менее узнаваемой, чем «пластмассовый мир» из песни «Моя оборона»¹. Пластилин — общая характеристика мира и человека в нем, утверждающая их искусственность, противоестественность («Бесконечно на земле — бесконечно в небесах / Равнодушно кувыркком — Равнодушно на весах / Забери меня домой — забери меня в постель / В пластилиновый помойник — в пластилиновый кисель / Мы пойдем иным путем / Мы пойдем иным путем — в пластилин! // Я лежу на стороне — пластилин жую во сне / Пластилиновые дни — пластилин внутри во мне / ... / Мы пойдем иным путем / Мы пой-

¹ Весьма любопытно наблюдать, как в последние годы «пластмассовый мир» становится распространенным и узнаваемым интертекстуальным знаком, через который современная массовая культура утверждает свое увлечение Летовым. Эта летовская метафора мира, достигшего максимума профанности, все чаще обнаруживается в самых разных, зачастую неожиданных пластах современной культуры: она цитируется русскими рэперами (ср.: «Бэнг-бэнг. Как двойное дно / Из пластмассового мира потайное окно» (Хаски, «Бэнг-Бэнг»)), используется в заглавиях интернет-публикаций в тематическом диапазоне от обзоров фестивалей культуры (А. Щеголев. RuGrad.ru) или размышлений об «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова (Т.Трофимова, портал «Горький») до роли ЗД-принтеров в современной жизни (А. Крылов, газета «Взгляд») или производства манекенов в Турции (С. Рудник, портал «Bird in Flight») и др.

дем иным путем — в пластилин!», [3, с. 186]; «Пластмассовый танк объявил войнушку пластилиновой вселенной», [3, с. 275]. И одновременно пластилин, чьим главным свойством является отсутствие собственной индивидуальной формы, — это сильное образное средство тематизации имперсональности, понимаемой как растворение Я, утрата телесности: «Я весь словно пластилиновая фигурка / Брошенная в костер / Черты мои медленно рассасываются / Остается лишь гримаса недоумения / Огонь такой жаркий настойчивый / А сверху лишь звезды / и чьи-то сосредоточенные внимательные лица» [3, с. 134], «...И губы мои словно опухоль / И глаза словно на фотографии / И весь я комок пластилина / брошенный в чей-то глубокий костер / Плавно рассасываюсь / Расплываюсь / В жадном настойчивом пламени / А надо мною лишь звездное стылое небо / И чьи-то сосредоточенные / Внимательные / Лица» [3, с. 143]. Семантическая амбивалентность этого топоса определяется тем, что, с одной стороны, пластилин принадлежит к сфере «творимой действительности», артефактов, его материальность — это материальность искусственная, которая в художественном мире Летова обычно маркируется негативными коннотациями и связана с смертельной семантикой; с другой стороны, такие субстанциональные свойства пластилина, как пластичность и потенциальная бесформенность, спроецированные на Я, становятся сильным средством метафорического представления человека, теряющего самоидентичность перед лицом враждебного ему мира. «Превращение в пластилин» под действием огня или болезни (эти образы обнаруживают метафорическое родство в семе «высокая температура») — это утрата человеком своей телесности и онтологической сущности, растворение Я в мире.

Иной путь поэтической имперсонализации у Летова — выход Я за пределы конвенциональных «людских представлений» — тематизируется в тексте «Снаружи всех измерений» (1984/1988):

По моей незасохшей руке
пробирается тихо память,
По моей незастывшей реке
проплывает тихонько птица
По моей неубитой душе
плачет скорбно забытый разум
Я летаю снаружи всех измерений

Сквозь меня проникают тайком
звуки взгляды ножи и пули
Не спеша проникают в мой дом
белый холод зима и плесень
Окружает со всех сторон
мое тело смертельный ужас
Я летаю снаружи всех измерений

Я не чувствую прикосновений
Я не помню о том, что знаю
Я за рамкой людских представлений
Я не верую в дни и ночи
Я не слышу чужих изречений
Я закинул за спину язык
Я летаю снаружи всех озверений² (с. 265).

О каких «всех измерениях» идет речь в тексте? Очевидно, это базовые семантические оппозиции, лежащие в основе «людских представлений» и выступающие концептуальной рамкой для обыденного человеческого мышления. Так, в первой строфе образ «незасохшей руки» вполне прозрачно кодирует состояние между жизнью («рука») и смертью (символика засыхания как смерти живого организма), через которое «пробирается... память», преодолевая тем самым оппозицию «живое – мертвое»; пространственная дихотомия «верх – низ» нивелируется в образе птицы, проплывающей по реке (с прозрачной интертекстуальной отсылкой к гоголевской «редкой птице», перелетающей Днепр), дополнительно имплицитно кодируя оппозиции «динамическое – статическое» и «лето – зима» в образе «незастывшей реки»; дихотомии «ratio – emotio» и «телесное – духовное» снимаются в образе «забытого разума», плачущего по «неубитой душе». Если рассмотреть эту строфу через предложенную ранее поэтику местоимений, несложно реконструировать образно-тематический ряд, связанный с атрибутикой Я: он складывается из семантически амбивалентных «незасохшей руки», «незастывшей реки», «неубитой души» и в целом кодирует то самое преодоление «всех измерений», в котором Я утверждает себя в рефрене.

Лексическое несовпадение рефренов в варианте 1984–1985 гг. и его преодоление в последней версии (2007 г.) обнаруживает весьма характерный сдвиг в общей семантике текста. Если вариант с единым рефреном «Я летаю снаружи всех измерений» утверждает некое финальное нахождение Я вовне, «за рамками людских представлений», то рефрены «Я летаю снаружи всех измерений» / «Я летаю снаружи всех изверений» / «Я летаю снаружи всех озверений» в ранней версии текста скорее отмечают своего рода промежуточные точки имперсонализации. «Изверение», окказиональный номинатив от глагола «извериться», и «озверение» несложно интерпретировать как последовательный отказ Я от веры и человеческого облика как всего того, что определяет сущность человека, и в этом случае «снаружи всех измерений» в рефрене после первой строфы (т.е. в первом припеве) пред-

² «Снаружи всех изверений» и «снаружи всех озверений» в припеве после второго и третьего куплетов – вариант, представленный в летовской рукописи 1984 года и на альбоме «Поганая молодежь» (1985). В варианте, представленном на альбоме «Зачем Снятся Сны» (2007), припев одинаков: «Я летаю снаружи всех измерений».

ставляет собой лишь первую, начальную стадию имперсонализации; однако в финальном варианте текста этих стадий — «человеческого, слишком человеческого» — уже просто не существует, и «Я летаю снаружи всех измерений» приобретает тотальный, недифференцированный смысл отказа Я от любых атрибутов персональности, системы ментальных координат человеческого мира.

Характерным грамматическим знаком заключительной строфы (куплета) текста становится своего рода «предикативная негация» — наделение Я набором отрицательных предикатов, т.е. использование частицы *не* при предикате. Эта одна из узнаваемых грамматических стратегий имперсональности в поэтике Летова (см. об этом подробнее [5; 6]), с одной стороны, вводит грамматическое противопоставление данного сегмента текста предыдущим строфам (куплетам), с другой — знаменует телесное развоплощение Я («Я *не чувствую* прикосновение»), утрату способности помнить («Я *не помню* о том, что знаю»), верить в абсолютные истины (в этом плане значим выбор глагола «веровать» вм. «верить» в строке «Я *не верую* в дни и ночи»), воспринимать мир сенсорно («Я *не слышу* чужих изречений»). На этом фоне строки с «позитивными» предикатами — «Я за рамкой людских представлений» и «Я закинул за спину язык» — интересны тем, что первая из них имплицитно, самим отсутствием глагольности, утверждает невозможность Я совершать любые действия и относит его в область «чистого» состояния «за рамкой людских представлений», вторая же кодирует одновременно два пограничных состояния субъекта: абсолютную усталость (закинутый «за спину» язык в этом случае включает ассоциации с высунутым от усталости языком собаки) и/или смерть (ср. выпадение языка от асфиксии у повешенного).

Исключительно важным средством тематизации имперсональности становится развернутый во второй строфе (втором куплете) тематический комплекс «растворяющейся телесности». Летов использует пространственный дейксис, чтобы создать образ «тела-дома», в которое проникает внешний мир, заполняя его: «Сквозь меня проникают тайком / звуки взгляды ножи и пули / Не спеша проникают в мой дом / белый холод зима и плесень»; в этом смысле «смертельный ужас», окружающий тело *со всех сторон*, есть апогей той мортальной семантики внешнего враждебного мира, в котором существует Я, мира, от которого оно уже не может изолировать себя внешней границей тела (дома) и метонимиями которого становятся «звуки взгляды ножи и пули / ... / белый холод зима и плесень». Образно-тематический ряд, связанный с проницаемостью телесной границы, развоплощением, разложением, распадением физического тела (его подробному анализу посвящена чрезвычайно содержательная статья О.Р. Темиршиной [4]; см. также [1]), занимает одно из доминирующих мест в системе летовской топики. Его текстовыми репрезентантами в текстах Летова могут служить неспособность оставлять следы в физическом мире («Меня давно бы уж зарыли в

снег / Меня давно бы уж загнали в яму / Меня давно бы уж нашли по следу / Но я не оставляю следов на свежем снегу» [2, с. 52]; «Меня найдут по зеркальным пещерам / набитым нераспечатанными подарками / По запаху протухшего ожидания / По любви, прочно задохшей на дне стакана. / Мой путь обнаружит каждый — / Ведь я не оставляю следов / На свежем снегу», [3, с. 171], вырывание собственного сердца («...оставив себя в темноте сарая / И все, что связано и перевязано, / Я вынес на солнце / Свое обнаженное скользкое сердце — / прилипли песок и опилки — / Взревел размахнулся оскалился взвыл / И уронил его / В синюю бездну», [3, с. 55], раскрытие тела миру («В теле моем дыра отворилась / Дыра разразилась / Раскинулась / И такого туда нанесло навалило / Что теперь ни взлететь мне, ни пасть, ни раскаяться / Ни вздохнуть, ни подохнуть / И никак эту рану дыру в моем прахе нетленном / Эту дверцу мою ни прикрыть, ни захлопнуть / моим бестолковым дурацким рукам», [3, с. 383], проникновение природы в разлагающееся после смерти тело («...нет уж лучше ты послушай как вливается в ладони дождь / слушай как по горлу пробегает мышшь / слушай как под сердцем возникает брешь / как в желудке копошится зима / как ползет по позвоночнику землистый лишай / как вливается в глазницы родниковый потоп / как настырный одуванчик раздирает асфальт / как ржавеют втихомолку потаенные прозрачные двери // слушай как сквозь кожу прорастает рожь / слушай как по горлу пробегает мышшь / слушай как в желудке пузырится смех / слушай как спешит по гулким венам вдаль твоя / сладкая радуга... / звонкая радуга», [3, с. 307] и мн.др. Размыкание границы тела и связанное с этим нивелирование базовых оппозиций «свое — чужое», «внутреннее — внешнее», «я — мир» в очередной раз приводит к утрате самотождественности Я, которое либо становится вненаходимым для враждебного внешнего мира, либо полностью сливается с ним как часть природного бытия.

Предложенный в статье анализ двух текстов Егора Летова показывает, что имперсональность как поэтический комплекс имеет для летовской поэтики характер своего рода универсалии: связанные с ним мотивы и образы, выполняя текстопорождающую функцию, получают поддержку на уровне стратегий поэтического языка и активно транслируются в стихотворных и песенных текстах на протяжении всего творчества Летова. Персональное существование в мире, по Летову, есть зыбкая, движущаяся граница, в постоянном утверждении-преодолении которой единственно возможно бытие лирического Я, и этот экзистенциальный по своей сути конфликт выступает в качестве едва ли не главного свойства поэтической онтологии Егора Летова.

Список литературы

1. *Авилова Е.Р.* Телесность как основная универсалия авангардной модели мира (на примере творчества Егора Летова) // *Русская рок-поэзия: текст и контекст.* Тверь, 2010. № 11. С. 171 – 177.
2. *Летов Е.* Стихи. М., 2003.
3. *Летов Е.* Стихи. М., 2011.
4. *Темиришина О.Р.* Поэтика деформации. Образы телесного в поэзии Егора Летова // *Русская рок-поэзия: текст и контекст.* Екатеринбург; Тверь, 2017. Вып. 17. С. 173 – 187.
5. *Черняков А.Н., Цвигун Т.В.* «Грамматика деперсонализации» в идиостилие Егора Летова // *Вестник БФУ им. И. Канта.* Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 4. С. 55 – 61.
6. *Черняков А.Н., Цвигун Т.В.* Подступы к поэтическому языку Егора Летова: персональность / имперсональность // *Подробности словесности: сб. статей к юбилею Людмилы Владимировны Зубовой.* СПб., 2016. С. 398 – 408.

Об авторах

Алексей Николаевич Черняков – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: ACHernyakov@kantiana.ru

Татьяна Валентиновна Цвигун – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: TTSvigun@kantiana.ru

About the authors

Dr. Alexey Chernyakov, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: ACHernyakov@kantiana.ru

Dr. Tatiana Tsvigun, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: TTSvigun@kantiana.ru